

УДК 398.3
DOI 10.17223/18137083/71/2

В. С. Кузнецова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Духовный стих о святом Феодоре Тироне и его русская сибирская запись

Публикуется новый архивный текст духовного стиха о Феодоре Тироне, который принадлежит к числу редких в русской фольклорной традиции и недостаточно изученных. Повествование под названием «О Феодоре Тырине», записанное Ф. К. Зобниным от сибирского крестьянина-«стихаря» Максима Ивановича Мордвина 9 июня 1896 г. на Святом Ключе в 17 верстах от Семипалатинска, – первая выявленная *сибирская* запись народного стиха о Феодоре Тироне, что меняет представления о географии бытования этого сюжета. Сравнение с книжным его источником – апокрифическим повествованием о змеборческом подвиге Феодора Тирона, а также с другими устными вариантами стиха позволило выделить свойства сибирского текста, важные для изучения форм бытования указанного сюжета как проявления особенностей восприятия и адаптации книжно-христианских сюжетов в системе народных представлений.

Ключевые слова: русский фольклор, духовные стихи, Феодор Тирон, русские сибирские записи.

Духовными стихами в русской народной словесности называют песни на религиозные сюжеты, исполнявшиеся преимущественно бродячими певцами, часто слепцами. Исследователями давно отмечено, что «в основе духовных стихов всегда лежали книжные повести, более или менее церковного происхождения» [Федотов, 1991, с. 14], так, духовные стихи о христианских святых часто являются поэтической песенной передачей содержания их канонического или апокрифического жития.

Имя Феодора Тирона связано с двумя литературными сюжетами. Один из них, представленный в Прологе и более подробно в Минеях четях и в «Житиях святых» Димитрия Ростовского «месяца февраля в 17 день», рассказывает о том, как раннехристианский герой, воин Феодор Тирон (тирон – в переводе с греч. «новобранец»), принуждаемый «от неверных» принести жертву идолам, отказался сделать это и твердо исповедовал свою веру в Христа. Его обвинили в поджоге языческого храма и бросили в темницу на голодную смерть. Феодор молился, и ему

Кузнецова Вера Станиславовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора русского языка в Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; vera_kuznetsova@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2020. № 2
© В. С. Кузнецова, 2020

явился Иисус Христос, который утешил и поддержал мученика. Приведенный вновь к правителю, Феодор еще раз смело исповедовал свою веру, за что был предан мукам и осужден на сожжение. Тело святого после казни осталось не повреждено огнем.

Другой связанный с именем Феодора Тирона сюжет представлен в апокрифе о змеборце – Феодор Тирон избавляет от змея свою мать. Это известное в древнерусской письменности апокрифическое сказание, упоминаемое в некоторых индексах «ложных книг» под названием «Чудо бывшее Феодора Тирона, како выведе мать от змея» и по спискам XVI в. опубликованное [Пыпин, 1862, с. 143–145, Тихонравов, 1863, с. 93–99], рассказывает, что отважный воин Феодор Тирон жил «во время Уалента царя, царствующе в Афинеистем граде». Близ города находился колодезь с благодатной водой, охраняемый змеями. Каждый год царь приносил им дань, и тогда колодезь «пущаху воду и насыщашесе весь народ». Однажды царь увидел тревожный сон и обратился к своим боярам с призывом найти явившегося ему во сне опасного чужеземца. Вызвавшийся сделать это Феодор Тирон отправляется на поиски, успешно справляется с поручением и возвращается. Царь был обрадован и в это время не приносил жертву змею, змей же разгневался и остановил воду. Мать вернувшегося из похода Феодора увидела, что конь воина сильно жаждал воды, взяла его под уздцы и повела к колодезю, где была похищена змеем. Не нашедшие своей госпожи слуги сообщают Феодору, что змей похитил его мать. Воин, несмотря на попытки царя отговорить и остановить его, отправляется освобождать мать; опасаясь возможной гибели, он дает наказы, как поступить с его имуществом, и просит совершать поминовение о нем в первую субботу¹. Феодор находит свою мать в колодезе окруженной двенадцатью змеями, некоторые гады лежали перед ней, сторожа ее, а впереди на золотом престоле восседал старый змей. Помолившись Богу и услышав с неба ободряющий его голос, Феодор побил змеев и приготовился выйти вместе с матерью, но явился огромный трехголовый змей (которого не было в колодезе, он охотился в поле). Феодор, вновь ободренный голосом с небес, победил и его и вышел на волю вместе с матерью, после чего «изиде вода, яко река велия». Далее в тексте сказания следует краткое упоминание о случившейся позднее мученической смерти Феодора.

Именно с апокрифической «змеборческой» версией житийного чуда Феодора Тирона соотносим сюжет народного стиха об этом святом, который, однако, не является простым пересказом книжного повествования. Особенность духовного стиха о Феодоре Тироне хорошо определена одним из первых его исследователей А. И. Кирпичниковым: «Стихи о Федоре Тироне и Георгии стоят особняком от других стихов, так как в них книжная основа насквозь прониклась приемами былинной поэзии» [Галахов, 1880, с. 240]. В классическом собрании русских духовных стихов П. А. Безсонова [1861] варианты этого стиха помещены в разделе «Стихи старшие, былевые».

Хотя духовный стих о Феодоре Тироне относится к группе классических – «старших» былевых, он принадлежит к числу недостаточно изученных, его записи редки, текст представлен сравнительно небольшим числом опубликованных вариантов², датируемых второй третью – второй половиной XIX в. Записи лока-

¹ Имеется в виду суббота, завершающая первую неделю Великого поста, о чем подробнее далее в статье.

² См.: Киреевский, 1848, № 1, с. 145–148 = Безсонов, 1861, № 125 (записал П. В. Киреевский в Гжатском уезде Смоленской губернии), далее – Киреевский, 1848; Безсонов, 1861, № 121 (записал П. В. Киреевский в сельце Новосёлки Уфимского уезда Оренбургской губернии), далее – Б 121; Безсонов, 1861, № 122 (записал П. А. Безсонов в деревне Саларева Московской губернии от Алексея Дюдюкина), далее – Б 122; Безсонов, 1861, № 123 (записал П. В. Киреевский в селе Ильинское Звенигородского уезда Московской губернии) да-

лизованы в центральной части России (Оренбургская, Рязанская, Московская, Смоленская губернии) и в Поволжье (Нижегородская губерния). Исследователями особо отмечается то обстоятельство, что записи стиха о Феодоре Тироне не выявлены на Русском Севере [Бахтина, 2004, с. 33], который считается основным районом бытования эпических жанров фольклора. Среди опубликованных материалов до сих пор не были известны и фиксации этого духовного стиха в Сибири.

Записанный от сибирского крестьянина-«стихаря» Максима Ивановича Мордвина текст духового стиха о Феодоре Тироне выявлен нами среди материалов, собранных Ф. К. Зобниным³ и хранящихся в Санкт-Петербурге в фондах Архива Русского географического общества (АРГО, р. 61, д. 37, с. 49–55)⁴. Стих под названием «О Федоре Тырине» (см. Приложение) был записан Ф. К. Зобниным 9 июня 1896 г. в 17 верстах от Семипалатинска на Святом Ключе. «Местность, так названная, – поясняет собиратель, – расположена на крутом обрывистом берегу р<еки> Иртыша и пользуется известностью среди православных жителей Семипалатинской области и смежных с нею областей и губерний. Каждый год, как только наступает тепло, открывается непрерывное изо дня в день движение к Св<ятому> Ключу для купания в нем и для поклонения иконе Богородицы» [именуемой Знаменской или Абалакской. – В. К.] (с. 1).

Далее в записях следует подробный и важный для нас рассказ собирателя о народном «стихаре» и обстоятельствах знакомства с ним. Приводим фрагменты этого рассказа, дающие представление о живой традиции бытования и исполнения духовных стихов:

...в противоположном от меня конце аллеи послышалось (с. 6) // (с. 7) какое-то пение. В первую минуту я подумал, что это хор детских голосов разучивает церковные песнопения. Вскоре в конце аллеи составила группа стоящих и сидящих мужчин и женщин исключительно из простого народа. Я присоединился к толпе и тогда уже заметил, что пение исходит от старика-слепца и сидящих с ним слепой молодой женщины и мальчика. Они жалобно тянули стих об Алексее, человеке Божьем. Старик сидел, склонив голову и свернув рукою левое ухо... Положенная перед стариком фуражка была забросана медными и серебряными монетами. Слушатели мужчины стояли с обнаженными головами, многие с растроганным видом,

лее – Б 123; Безсонов, 1861, № 124 (записал П. И. Якушкин в Раниенбургском уезде Рязанской губернии), далее – Б 124; Якушкин, 1865, № IV, с. 50–59 = Якушкин, 1884, № 15 (записал П. И. Якушкин) = Безсонов, 1861, сноска к № 125 (почти полностью), далее – Якушкин, 1884, № 15; Корепова, Храмова, 2005, с. 72–73 (записал А. В. Карпов в селе Абрамово Арзамасского уезда Нижегородской губернии от Прасковьи Пименовой).

³ Зобнин Филипп Кузьмич (1868–1930) родился в с. Усть-Ницинское Усть-Ницинской волости Тюменского округа Тобольской губернии в крестьянской семье. Окончил Омскую учительскую семинарию в 1888 г. и был назначен учителем в Сургутское мужское приходское училище, а затем в 1891 г. переведен учителем старшего отделения в Курганское училище, где проработал до 1895 г. Еще с 1888 г. Ф. К. Зобнин по заданию Русского географического общества (РГО) изучал крестьянский быт и историю Западной Сибири, климат Сургутского края, собирал другие материалы краеведческого характера, делал фольклорные записи. Он явился одним из основателей Семипалатинского подотдела РГО, 15 декабря 1897 г. был избран в число членов-сотрудников РГО, а 8 ноября 1900 г. – в действительные его члены. За работу «Наблюдения и замечания о народном быте Томской губернии» в 1891 г. РГО удостоило Ф. К. Зобнина серебряной медали, а в 1895 г. его исследование «Из года в год. Описание круговорота крестьянской жизни в селе Усть-Ницынском Тюменского уезда» получило вторую серебряную медаль «За полезные труды». Многие материалы Ф. К. Зобнина были опубликованы в журнале «Живая старина». Подробнее о Ф. К. Зобнине см.: [Зобнин Б. Б., 2005; Зобнин Б. Ф., 2005].

⁴ Далее в тексте статьи ссылки на листы этой рукописи даются в круглых скобках после цитат.

подперши голову рукой, умилялись и плакали. Тянувший жалобный напев залезал в душу, и стоило только в него вслушаться, чтобы безпричинно и // (с. 8) против воли заплакать.

Когда стих был окончен, я заговорил со стариком. Он оказался крестьянином села Калмацкаго Бердюженской волости Ишимского округа Тобольской губернии. Зовут его Максим Иванович Мордвин, от роду имеет 71 год. Зрение потерял на сорок шестом году. В течение последнего двадцатилетия, лишившись сына, стал обучаться у стариков-стихарей духовным стихам, пением которых добывал себе деньги, поддерживая семью и хозяйство. О своих похождениях в качестве «стихаря» Максим Мордвин рассказывает не особенно охотно. <...> Оказывается, например, что в некоторых городах он сиживал в кутузке за пение, соединенное с прошением милостыни и пр. Известно еще, что раньше Мордвин ходил с другим стихарем, более его знающим. <...> // (с. 9). В последний раз Максим Мордвин по железной дороге отправился в Омск и, пробыв там около месяца, соблазнился рассказами о Семипалатинске, куда и прибыл вместе со своими спутниками на казенном переселенческом пароходе.

Записанное от сибирского крестьянина повествование о Феодоре Тироне было передано исполнителем частью пением, частью – прозаическим рассказом, на что и указано собирателем в его пояснении к тексту: «...Во всяком случае я, записав обе передачи – разговорную и пением – записал этот рассказ в подлинных выражениях Макс<има> Мордвина» (с. 55).

Сибирский вариант содержит полную редакцию стиха о Феодоре Тироне (по терминологии А. И. Кирпичникова, поддержанной в более поздних исследованиях [Бахтина, 2003]). Полная редакция включает две сюжетные ситуации и рассказывает о двух подвигах святого: о сражении героя с иноземным войском и об избавлении им матери от змея (см. [Киреевский, 1848; Якушкин, 1884, № 15; Б 122; Б 124]), в отличие от краткой редакции, которая повествует только о втором из этих эпизодов [Б 121; Б 123].

События, описанные в сибирском тексте стиха, происходят «во граде в Ерусалиме», где «был царь Костенькин Самойлович». В других вариантах, как и в сибирском, место действия – город Иерусалим [Б 122; Б 124], либо – «светлый град Константинов» [Киреевский, 1848; Якушкин, 1884, № 15], либо (в основном в краткой редакции) оно не указано [Б 121; Б 123; Корепова, Храмова, 2005, с. 72–73]; имя царя в народном стихе также варьирует – Констинкин Самойлович [Б 122], Костянтин Сауйлович [Киреевский, 1848; Б 124], Константин Сауйлович [Якушкин, 1884, № 15].

Повествование начинается с описания пира у царя, во время которого он, обращаясь к гостям, выкликает защитников для спасения города от грозящей опасности:

Ой, вы гости мои любы,
Купцы богатые, миряне православные!
Не изберется ли из вас, мирян православных,
Кого наступить на силу жидовскую,
На силу змея огненного,
Очистить Ерусалим город? (с. 49).

Вызывается только Федор Тырин, «младенец двенадцати лет от роду»:

Федор Тырин, младенец двенадцати лет от роду,
Слово промолвил, перед князем осмелился:
– Царь Костенькин Самойлович!
Дай мне коня бо- // гатырсакаго,

Со всей сбруей богатырской,
Копье ратное булатное,
Наступлю я на силу жидовскую,
На силу змея огненного,
Очищу Ерусалим город (с. 49–50).

Имя героя в вариантах народного стиха варьирует: Фёдор Тирянин [Б 121], Фёдор Тиринин [Б 122], Федор Тирон [Якушкин, 1884, № 15], Фёдор Тыринов [Б 123], Хведор Тырянин [Б 124], Федор Хиринец [Корепова, Храмова, 2005, с. 72–73]. Согласно некоторым из вариантов, вызвавшийся отрок является сыном царя [Киреевский, 1848; Якушкин, 1884, № 15; Б 122; Б 124].

Несмотря на попытку царя отговорить смелого отрока –
Царь Костенькин Самойлович
Взговорил таковы слова:
– Ах ты, Федор Тырин, ты младенец,
Только двенадцать лет тебе от роду,
Не состоять тебе с силою змеиною,
С огненным змеем.
Нигде ты на боях не бывывал,
Никаких страстей не видывал –

Федор отправляется в путь и вступает в сражение с огненным змеем:

Подъезжал Федор Тырин,
Поступился на змея огненного,
Бился, трудился двенадцать суточек,
Он не пил, не ел,
Коню здыху не давал (с. 50).

Герой побивает змея, но его топят змеиная кровь: *«Заливала его кровь руда змеиная / по колен и по белых грудей»*. Тогда он обращается к матери-сырой земле с просьбой расступиться и поглотить эту кровь:

Федор Тырин, младенец двенадцати лет от роду,
промолвил слово Божье,
воткнул копье ратное булатное во сырую землю:
– Раздайся ты, мать сыра земля,
на все четыре сто- (с. 51) роны,
ты прими руду кровь змеиную.

Расступилась земля и поглотила кровь, очистила дорогу к городу Иерусалиму. Завидев возвращающегося героя, *«царь Костенькин Самойлович выходил на парадное крыльцо и вскричал своим гостям»*:

– Выходите, гости милые, люди богатые,
Вносите иконы местные,
Вы идите встречайте Федора Тырина
И кладите двенадцать поклонничков
До сырой земли! <...>
Царь приказывает:
– Берите его под руцы,
ведите хлеба-соли кушать! (с. 51).

Так завершается повествование о первом подвиге Федора Тырина.

Далее следует рассказ о похищении змеем матери героя. Похищение происходит при тех же обстоятельствах, что описаны в книжной версии событий, только

поить коня сына она ведет не к колодцу, а «на сине моричко». Здесь «окаянный лютый змей, схватил его родиму матушку с добрым конем, унес за синее моричко» (с. 51). О случившемся сообщают Федору, и он отправляется за море, чтобы освободить ее:

И взял он книгу Евандиля,
Пошел он к синему морю,
Читал он трои суточки в слезах.
Подымалася погода буйная
И набивала рыбий мост.
Пошел Федор Тырин
По рыбьему по мосту, яко по суху (с. 52).

Образ рыбьего моста, набиваемого «погодой буйной», упоминается только в сибирском тексте, в других вариантах мостом становится Тит-рыба [Б 122], Кит-рыба [Киреевский, 1848; Якушкин, 1884, № 15; Б 123; Б 124], Кетр-рыба [Б 121]. Образ рыбы-моста в стихе мог оформиться как результат перенесения мотива из волшебных сказок (ср.: СУС 460В «Путешествие к солнцу»). Основанием для перенесения могло послужить то, что в сказках этот мотив был приурочен и к расставу о путешествии *к змею*, например, в составе одной из разновидностей повествований о Марко Богатом (СУС 461 = 930) (см.: [Кузнецова, 2019, с. 109]).

Перейдя через море, Феодор находит свою мать, окруженную двенадцатью змеенышами:

Приходит за синее моричко,
Увидала его родимая матушка,
Сосут ее двенадцать змеенышей (с. 52).
Он порубил змеенышей и вместе с матерью направляется в обратный путь:
Взял Федор Тырин свою матушку,
Посадил на темечко
И понес к синему моричку.

По дороге их настигает главный змей –

Завидел их окаянный лютый змей,
Летит, как гора валит ⁵ (с. 52), –

но герой поражает и его своим копьем: «Надлетает огненный змей и Федор Тырин отвалил копьем ратным булатным двенадцать хоботов ⁶ сразу и змей упал».

Как и в первом сражении со змеем, Федора начинает заливать змеиная кровь («Заливала его кровь-руда змеиная / по колен [и] до белых грудей»). В первом сражении, напомним, герой обращается в этот момент к матушке-сырой земле с просьбой расступиться и поглотить змеиную кровь. Заметим, что в других вариантах стиха, где происходит такое повторение, названное А. И. Кирпичниковым «эпическим дубликатом» [Галахов, 1880, с. 245], герой и во второй раз поступает так же [Якушкин, 1884, № 15; Б 122; Б 124]. В сибирском же варианте исполнителем найдено другое решение, которое позволило избежать повторения:

Достал Федор Тырин щепотку песку желтова
И бросил в кровь:
– Закрепни, кровь руда змеиная,
Крепче камню!

⁵ Ср. в записи П. В. Киреевского: «Змей летит, яко гора валит!» [1848, № 1, с. 147].

⁶ О вариантах значения и возможных толкованиях слова «хобот» в русском былевом эпосе см. [Зверева, 2011].

Кровь окрепла, и он прошел через море по рыбьему мосту с матерью (с. 53).

Мотив песка, с помощью которого богатырь справляется со змеем, известен в некоторых вариантах былины о Добрыне и Змее, причем мотив именно *желтого* песка находим в одном из *сибирских* ее текстов, записанном С. И. Гуляевым приблизительно в начале 70-х гг. XIX в. от Леонида Гавриловича Тупицына, 50 лет, работного из деревни Ересная в 6 км от Барнаула [РЭПС, № 9, с. 176–179]:

Зажимал Добрыня *ком желта песка,*
Бросал в Змеишша, зла Горынишша,
Отшиб змеишшу тридцать хоботов,
И падал змеишшо на сыру землю (курсив мой. – В. К.).

Как видим, варианты использования этого чудесного средства в сражении со змеем в былине и в стихе о Феодоре Тироне несколько различаются: в былине песком богатырь отшибает змею его хоботá, в стихе – добивается, чтобы заливающая его кровь змея свернулась, запеклась, отвердела. Это сближает данный эпизод стиха с заговорами на остановку крови (ср.: «*Стань, кровь, запекись гуще густого клею*» [Майков, 1994, № 166]). Примечательно, что среди сюжетных ситуаций заговорных текстов отмечено использование *песка*, когда песком засыпают раны (для остановки *крови*), и *змея* [Кляус, 1997, с. 391, XVII.1.1/B5 – XVII.2.1/B5]. Заметим также, что определение крови словом «руда», повторяющееся в сибирском тексте о Феодоре Тироне, тоже характерно не столько для былин, сколько для заговоров (см., например: «*Ты, тело, держись, а ты, рана, крепись, а ты, руда, уймись*» [Майков, 1994, № 142]). Повторим, что такой эпизод и сочетание мотивов не известно в других текстах и представлено только в сибирском варианте стиха о Феодоре Тироне, что можно рассматривать как его особенность.

После победы над змеем Федор задает матери вопрос, кто больше понес трудов и страданий – мать, чтобы родить сына, или сын, чтобы освободить похищенную мать:

Вынес, поставил ее на ноженьки,
Спятился, поклонился, спрашивает:
– Что, моя родимая матушка,
Стóбит ли мое поношенье и труженье
твоего поношенья и рожденья? (с. 53).

Ответы бывают различными. «*Не будет твое похождение / супротив моего рожденья*», – отвечает мать Федора в варианте [Б 121]; но в большинстве текстов, как и в сибирской записи стиха, решение в пользу Федора:

Она ему отвечала:
– Не стоит мое поношенье и рожденье
твоего труженья.
Я носила и родила тебя,
такой страсти не видала! (с. 53).

В таком ответе исследователи видели выражение почтения к Федору не только как к богатырю, но и как к святому, перед которым должны преклониться и родители [Галахов, 1880, с. 245].

Завершается стих словами прославления святого: «*Слава Федору Тырину во веки, аминь. Кто неделю его почитит, тот человек // (с. 54) будет счастлив, сохранен и помилован*».

Упомянутая здесь неделя святого Феодора Тирона («*Кто неделю его почитит...*») – первая неделя Великого поста, которую на Руси называли «Федоровой неделей» в память о посмертном чуде, совершенном святым: в 362 г. император

Юлиан, желая вовлечь ничего не подозревающих христиан в языческое жертвоприношение, приказал градоначальнику Константинополя окропить в Великий пост все съестные припасы на рынках идоложертвенной кровью; святой Феодор Тирон, явившись во сне архиепископу Евдоксию, открыл ему этот тайный замысел, велел созвать всех верующих и запретить им покупать в течение недели пищевые припасы на торгу, питаться же все семь дней следовало вареной пшеницей с медом. Потому в субботу, завершающую первую неделю Великого поста, совершается благодарственное празднование святому. Примечательно, что именно это событие стало предметом повествований в сербских духовных стихах о святом Феодоре Тироне (см., например: [Безсонов, 1861, № 182]), а не змеборческий его подвиг, как в русских стихах об этом святом.

Связанная с книжно-апокрифической версией жития тема змеборчества Феодора Тирона в народном стихе реализуется иными средствами, отличными от используемых в книжной традиции. Призма, которая определяет характер восприятия / воспроизведения книжного сюжета фольклорным сознанием, задается его темой. Основная тема книжно-апокрифического повествования о раннехристианском святом Феодоре Тироне – его героический поединок со змеем. В системе фольклорных жанров этому предмету изображения соответствуют произведения героического эпоса (былина, богатырская сказка). Общность темы, предмета изображения позволяет фольклорному сознанию соотнести рассматриваемую книжно-апокрифическую историю с определенной областью в системе фольклорных жанров и позаимствовать отсюда необходимые для его восприятия, осмысления и воспроизведения средства. В результате события рассказа перенесены в город Иерусалим, где нередко разворачивается действие в былинах (см., например: [РЭПС, 1991, № 47, № 50, № 52]), имя царя меняется на Константин (ср.: князя Константина Боголюбовича спасает от идолища Илья Муромец [Гильфердинг, 1873, № 48, № 197]), змей трансформируется в змея огненного (см., например: [РЭПС, 1991, № 14]), и живет он не в колодезе, а за морем, в пещерах. Федор Тирон становится богатырем-отроком двенадцати лет (ср.: *«Стаў-то Добрынюшка на возрасте, / А й на возрасте Добрыня двенадцать лет»* [Там же, № 11, с. 5–6]), повествование дополняется описанием богатырского снаряжения воина⁷ и его коня, а также описанием деталей поединка со змеем, в том числе эпизодом, когда героя заливают кровью поверженного противника, как при описании битвы Добрыни со змеем в некоторых вариантах былины «Добрыня и Змей», например:

Он побил змею да ю проклятую.
Тая змея она кровью пошла.
Стоял у змеи он тут трои сутки,
А не мог Добрыня крови переждать.
Хотел Добрыня от крови отстать,
Но с небес Добрыни опять глас гласит:
– Ах ты, ей Добрыня сын Никитинич!
Стоял у крови ты тут трои сутки,
Постой у крови да еще три часу,
Бери своё копьё да бурзомецкое
И бей копьём да во сыру землю,
Сам копьё да приговаривай:
«Розступись-ко матушка сыра земля,
На четыре розступись да ты на четверти!
Ты пожри-ко эту кровь да всю змеиную!» //

⁷ Отметим при этом и отличие: в духовном стихе богатырское вооружение Феодора Тирона-змеборца не ограничивается копьём «ратным булатным» или «бурзомецким», воину помогает книга Евангелие.

Розступилась тогда матушка сыра земля,
Пожрала она кровь да всю змеиную.
[Гильфердинг, 1873, № 148, стб. 748–749].

Духовный стих о Феодоре Тироне, как и книжно-апокрифическое повествование о нем, включают, напомним, два эпизода, которые рассказывают о двух подвигах святого. Если тема второго эпизода в апокрифе и в стихе одинакова – избавление матери от змея, то содержание первого подвига святого, предшествующего похищению его матери, в его книжной и устной версиях различно. В народном стихе книжный эпизод про сон царя об опасном чужеземце и о поездке Феодора Тирона на его поиски, не совсем понятно изложенный, заменен фольклорной версией событий – традиционным рассказом о героической поездке богатыря, в которой он уничтожает угрожавшее городу иноверное вражеское войско. Таким образом книжно-апокрифический эпизод повествования оказался вытесненным и замещенным «подобным» фольклорным элементом.

Как и все тексты стиха о Феодоре Тироне в полной редакции, сибирский его вариант рассказывает о двух подвигах святого: первый – сражение с иноверной вражеской силой для защиты города, второй – сражение со змеем для вызволения из его плена матери героя. Но в сибирском тексте при описании первого подвига Феодора Тирона об иноверной вражеской силе («силе жидовской») только упомянуто (в начальной части повествования – в обращении царя к собравшимся у него гостям с призывом встать на защиту Иерусалима и в ответе Феодора Тирона на этот призыв), при описании же самого сражения в рассказе о первом подвиге героя речь идет *только* о сражении со змеем. Таким образом, согласно сибирскому варианту стиха, бой Феодора Тирона со змеем происходит дважды, и это усиливает эпичность сибирского повествования. Правителя «Ерусалима» сибирский певец-сказитель называет **царем** («*был царь Костенькин Самойлович*»), а в описании обращения к нему Феодора Тирона царь назван **князем** («*Федор Тырин, младенец двенадцати лет от роду, / слово промолвил, перед князем осмелился*»). Эта подробность и оговорка исполнителя про князя, которая соответствует былинному «этикету» повествования (пример: «*Поклон ведет по-ученому: / – Здравствуешь, ласковый Владимир-князь*» [РЭПС, 1991, № 9, с. 33–34]), также указывает на былинные традиции как на источник мотивных и образных средств народного стиха о Феодоре Тироне. Примечательно, что проявление этих же закономерностей при выборе способов, средств для освоения фольклорным сознанием книжно-христианского сюжета мы наблюдали ранее на примере повествований фольклорной Библии о богатырском поединке Давида и Голиафа [Кузнецова, 2008, с. 77–78, 81–82].

Как уже было отмечено, духовный стих о Феодоре Тироне сравнительно редок в русской фольклорной традиции и особую значимость получает каждый вновь выявленный его текст. Публикуемая первая сибирская запись духовного стиха о Феодоре Тироне расширяет представления о географии бытования этого сюжета. Выявленные особенности записанного от сибирского «стихаря» Максима Ивановича Мордвина текста, который характеризуется и заметным влиянием былинной традиции, и присутствием отмеченных выше заговорных мотивов, важен для изучения форм бытования указанного сюжета как проявлений механизмов восприятия и способов адаптации книжно-христианских сюжетов и текстов в системе народных представлений.

Список литературы

Бахтина В. А. Феодор Тирон в письменно-устной традиции и иконографии // Литература, культура и фольклор славянских народов. XIII Международный

съезд славистов (Люблина, август 2003 г.). Доклады российской делегации. М.: ИМЛИ, 2003. С. 336–350.

Бахтина В. А. Духовный стих о Святом Феодоре Тироне (этнорегиональные трансформации) // Народные культуры Русского Севера. Фольклорный этнетип этноса: Материалы Российско-финского симпозиума. Архангельск: Поморский ун-т, 2004. Вып. 2. С. 33–39.

Галахов А. История русской словесности, древней и новой. СПб.: Тип. Морского Министерства, Главное Адмиралтейство, 1880. Т. 1. 517 с. (Раздел о духовных стихах (§ 20) написан А. И. Кирпичниковым).

Зверева Я. В. Слово «хобота» (змеиные) в русском былевом эпосе (К вопросу о толковании) // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2011. Т. 34. С. 118–129.

Зобнин Б. Б. Воспоминание об отце // Подорожник. Краеведческий альманах / Ред.-сост. В. К. Белобородов. Тюмень: Мандр и К^а, 2005. Вып. 6. С. 237–249.

Зобнин Б. Ф. Филипп Козьмич Зобнин // Подорожник. Краеведческий альманах / Ред.-сост. В. К. Белобородов. Тюмень: Мандр и К^а, 2005. Вып. 6. С. 250–251.

Кляус В. Л. Указатель сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М.: Наследие, 1997. 464 с.

Корепова К. Е., Храмова Н. Б. Нижегородский вариант духовного стиха о Феодоре Тироне // Традиционная культура. 2005. № 1. С. 69–73.

Кузнецова В. С. Фольклорные версии библейских легенд как проявление «закона переживания старины»: Каин и Авель, Давид и Голиаф // Критика и семиотика. 2008. № 12. С. 72–83.

Кузнецова В. С. Разновидности сюжета о Марко Богатом (AaTh 930) в восточно- и южнославянских записях // Вестник славянских культур. 2019. № 2 (Т. 52). С. 104–116.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.

Федотов Г. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М.: Прогресс, Гнозис, 1991. 192 с.

Список источников

Безсонов П. Калики переходные. Сборник стихов и исследование П. Безсонова. М.: Тип. А. Семена, 1861. Ч. 1, вып. 1–3. VI + 824 с.

Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 г. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1873. LVI + 1335 стб.

Киреевский П. В. Русские народные песни, собранные Петром Киреевским. Ч. 1. Русские народные стихи // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1848. № 9, разд. 4. С. 145–226.

Майков Л. Н. Великорусские заклинания. Сборник Л. Н. Майкова. СПб.: Изд-во Европейского Дома, 1994. 216 с.

Пытин А. Н. Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пытиным. СПб.: Тип. П. А. Кулиша, 1862. 182 с.

РЭПС – Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, Т. С. Шенталинская. Новосибирск: Наука, 1991. 499 с.

Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы / Собраны и изданы Н. Тихонравовым. М.: Университетская типография (Катков и К^о), 1863. Т. 2. 457 с.

Якушкин П. И. Народные русские песни из собрания П. Якушкина. СПб.: Тип. А. А. Краевского, 1865. 288 с. (Отг. из журн. «Отечественные записки» 1860, т. 129–133).

Якушкин П. И. Сочинения П. И. Якушкина. Издание Вл. Михневича. СПб., 1884. CVI + 709 с.

Приложение

О Федоре Тырине

Записал Ф. К. Зобнин 9 июня 1896 г. на Святом Ключе в 17 верстах от Семипалатинска от крестьянина села Калмацкого Бердюженской волости Ишимского округа Тобольской губернии Максима Ивановича Мордвина, 71 года. Публикуется по рукописи: АРГО, р. 61, д. 37, с. 49–54.

Повествование о Феодоре Тироне, исполненное сибирским крестьянином «стихарем» частью пением, частью – прозаическим пересказом (на что указано и Ф. К. Зобниным в его пояснении к тексту: «...Во всяком случае я, записав обе передачи – разговорную и пением – записал этот рассказ в подлинных выражениях Макс<има> Мордвина» (с. 55)), приведено в рукописи собирателя без разделения на стихотворные строки. Публикуемый текст дается нами с разделением на стихи, прозаические фрагменты – обычной строкой. Ударение поставлено собирателем, числительные переданы прописью, особенности орфографии сохранены.

Во граде в Ерусалиме
Был царь Костенькин Самойлович.
Вызывал он гостей, купцов богатых,
Садил за столы дубовы, за ясвы сахарныя,
5 За беседы – хлеба-соли искушати.
И проговорил гостям милым:
– Ой, вы гости мои любы,
Купцы богатые, міряне православные!
Не изберется ли из вас, мірян православных,
10 Кого наступить на силу жидовскую,
На силу змея огненнаго,
Очистить Ерусалим город?
Никто слова не промолвил,
Все купцы богатые промолчали.
15 Федор Тырин, младенец двенадцати лет от роду,
Слово промолвил, перед князем осмелился:
– Царь Костенькин Самойлович!
Дай мне коня бо- // (с. 50) гатырскаго,
Со всей сбруей богатырской,
20 Копье ратное булатное.
Наступлю я на силу жидовскую,
На силу змея огненнаго,
Очищу Ерусалим город.
Царь Костенькин Самойлович
25 Взговорил таковы слова:
– Ах ты, Федор Тырин, ты младенец,
Только двенадцать лет тебе от роду,
Не состоять тебе с силою змеиною,
С огненным змеем.

30 Нигде ты на боях не бывывал,
Никаких страстей не видывал.
Дал ему коня богатырского
Со всей сбруей богатырской,
Дал копье ратное булатное.

35 Подъезжал Федор Тырин,
Поступился на змея огненного.
Бился, трудился двенадцать суток,
Он не пил, не ел,
Коню здыху не давал.

40 Заливала его кровь-руда змеиная
По колен и по белых грудей.
Федор Тырин, младенец двенадцати лет от роду,
Промолвил слово Божье,
Воткнул копье ратное булатное во сырую землю:

45 – Раздайся ты, мать сыра земля,
На все четыре сто-// (с. 51) роны,
Ты прими руду кровь змеиную.
Младенец Федор Тырин,
Двенадцать лет ему от роду,

50 Садится на добра коня
И подъезжает в Ерусалим город.
Увидел его царь Костенькин Самойлович, выходил на парадное крыльцо
и вскричал своим гостям:
– Выходите, гости милые, люди богатые,
Выносите иконы местные,
Вы идите встречайте Федора Тырина

55 И кладите двенадцать поклонников
До сырой земли!
Приезжает Федор Тырин,
Царь приказывает:
– Берите его под руцы,
Ведите хлеба-соли кушать!

Его родима матушка взяла коня и повела на сине моричко поить и кормить.

60 Но откуль взялся окаянный лютый змей,
Схватил его родиму матушку
С добрым конем,
Унес за синее моричко.
Приходят к Федору Тырину весточки нерадошны:

65 – Федор Тырин, младенец,
Пьешь ты, ешь,
Никакого горюшка не знаешь,
Не стало твоей родимой матушки,
Унес ее окаянной лютой змей

70 За // (с. 52) синее море!
Что в руках было – выпало,
Что в устах было – выплюнул.
И взял он книгу Евандиля,
Пошел он к синему морю,

75 Читал он трои сутки во слезах.
Подымалася погода буйная
И набивала рыбій мост.

Пошел Федор Тырин
 По рыбьему по мосту, яко по суху.
⁸⁰ Приходит за синее моричко,
 Увидала его родимая матушка,
 Сосут ее двенадцать змеенышей.
 Вскричала она громким голосом:
 – Теперь-то мы с тобой, дитятко, погибли!
 Думала она, что и его съедят.
⁸⁵ Отвечал Феодор Тырин:
 – Не бойся, родимая матушка, мы не погибнем –
 Есть над нами книга Евангиль, –
 И зарубил змеенышей.
 Взял Федор Тырин свою матушку,
 Посадил на темечко
⁹⁰ И понес к синему моричку.
 Доходит Федор Тырин со своей матерью до моря.
 Завидел их окаянный лютый змей,
 Летит, как гора валит.
 Его матушка воскликнула:
 – Ах ты, мой Федор Тырин, младенец,
⁹⁵ Двенадцать лет // (с. 53) тебе от роду,
 Теперь-то мы с тобой погибли!
 Он отвечает:
 – Не бойся, моя матушка,
 Есть над нами книга Евангиль.
 Надлетает огненный змей и Федор Тырин отвалил копьём ратным булатным
 двенадцать хоботов сразу, и змей упал.
¹⁰⁰ Заливала его кровь-руда змеиная
 По колен [и] до белых грудей.
 Достал Федор Тырин щепотку песку желтова
 И бросил в кровь:
 – Закрепни, кровь руда змеиная,
¹⁰⁵ Крепче камню!
 Кровь окрепла, и он прошел через море по рыбьему мосту с матерью.
 Вынес, поставил ее на ноженьки,
 Спятился, поклонился, спрашивает:
 – Что, моя родимая матушка,
 Стóит ли мое поношенье и тружденье
¹¹⁰ Твоего поношенья и рожденья?
 Она ему отвечала:
 – Не стоит мое поношенье и рожденье
 Твоего тружденья.
 Я носила и родила тебя,
¹¹⁵ Такой страсти не видала!
 Слава Федору Тырину во веки, аминь.
 Кто неделю его почтит, тот человек // (с. 54) будет счастлив, сохранен
 и помилован.

V. S. Kuznetsova

*Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation; vera_kuznetsova@mail.ru*

Spiritual verse about Saint Feodor Tiron and its Russian Siberian text

The spiritual poem about Feodor Tiron is relatively rare in the Russian folk tradition and has been insufficiently studied. Therefore, each of its newly discovered versions is of particular importance. The paper presents a new-found archival text of the oral verse about Feodor Tiron. This text is the narrative of the Siberian peasant Maxim Ivanovich Mordvin "O Fedore Tyrine." The record was made by F. K. Zobnin on June 9, 1896, at the Holy Spring, 17 versts from Semipalatinsk. This is the first Siberian fixation of the religious verse on Feodor Tiron, which changes the idea of the existence geography of this plot. Comparing this archival text with its book-source, the apocryphal narrative of Saint Feodor Tiron's dragon-slaying feat, as well as with the known oral versions of the verse about this saint, made it possible to establish that the Siberian text under study is characterized by the influence of the epic tradition and the presence of folktale and charm motifs. The revealed characteristics of the Siberian text are important for studying the forms of existence of the plot under consideration in the oral tradition as manifestations of the peculiarities of perception and adaptation of plots of Christian book writing in the system of folk representations.

Keywords: Russian folklore, spiritual verses, Feodor Tiron, Siberian Russian texts.

DOI 10.17223/18137083/71/2

References

- Bakhtina V. A. Feodor Tiron v pis'menno-ustnoy traditsii i ikonografii [Feodor Tiron in the written and oral tradition and iconography]. In: *Literatura, kul'tura i fol'klor slavyanskikh narodov. 13 Mezhdunarodnyy s'ezd slavistov (Lyublyana, avgust 2003 g.). Doklady rossiyskoy delegatsii* [Literature, culture and folklore of the Slavic peoples. The 13th International Congress of Slavists (Ljubljana, August 2003). Reports of the Russian delegation]. Moscow, IMLI, 2003, pp. 336–350.
- Bakhtina V. A. Dukhovnyy stikh o Svyatom Feodore Tirone (etnoregional'nye transformatsii) [Spiritual verse about St. Feodor Tiron (ethno-regional transformations)]. In: *Narodnye kul'tury Russkogo Severa. Fol'klorny entitet etnosa: Materialy Rossiysko-finskogo simpoziuma* [Folk cultures of the Russian North. Ethnicity folklore. Materials of the Russian-Finnish symposium]. Arkhangel'sk, Pomorskiy univ, 2004, iss. 2, pp. 33–39.
- Fedotov G. *Stikhi dukhovnye. Russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikhom* [Spiritual verses. Russian folk faith in spiritual verses]. Moscow, Progress, Gnozis, 1991, 192 p.
- Galakhov A. *Istoriya russkoy slovesnosti, drevney i novoy* [History of Russian literature, ancient and new]. St. Petersburg, Tipografiya Morskogo Ministerstva, Glavnoe Admiralteystvo, 1880, vol. 1, 517 p. (Razdel o dukhovnykh stikhakh (p. 20) napisan A. I. Kirpichnikovym [Section on spiritual verses (s. 20) written by A. I. Kirpichnikov]).
- Klyaus V. L. *Ukazate' syuzhetnykh situatsiy zagovornyykh tekstov vostochnykh i yuzhnykh slavyan* [Index of plot's situations of charm's texts of Eastern and Southern Slavs]. Moscow, Nasledie, 1997, 464 p.
- Korepova K. E., Khramova N. B. Nizhegorodskiy variant dukhovnogo stikha o Fedore Tirone [Version of the spiritual verse on Fyodor Tiron from Nizhny Novgorod region]. *Traditional culture*. 2005, no. 1, pp. 69–73.
- Kuznetsova V. S. Fol'klornye versii bibleyskikh legend kak proyavlenie "zakona perezhivaniya stariny": Kain i Avel', David i Goliat [Folklore versions of biblical legends as a manifestation of the principle of "experiencing Olden Times": Cain and Abel, David and Goliat]. *Critique and semiotics*. 2008, iss. 12, pp. 72–83.
- Kuznetsova V. S. Raznovidnosti syuzheta o Marko Bogatom (AaTh 930) v vostochno-i yuzhnoslavyanskikh zapisyakh [Versions of the plot about Marko The Rich (AaTh 930) in the east- and south Slavic texts]. *Bulletin of Slavic Cultures*. 2019, no. 2 (vol. 52), pp. 104–116.

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov: Vostochnoslavjanskaya skazka [Comparative index of plots: East Slavic folktale]. L. G. Barag, I. P. Berezovskiy, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov (Comps). Leningrad, Nauka, 1979, 437 p.

Zvereva Ya. V. Slovo "khobota" (zmeinye) v russkom bylevom epose (K voprosu o tolkovanii) [The word "khobota" (of snakes) in the Russian epic (On the question of interpretation)]. In: *Russkiy fol'klor. Materialy i issledovaniya* [Russian folklore. Materials and research]. St. Petersburg, Nauka, 2011, vol. 34, pp. 118–129.

Zobnin B. F. Filipp Koz'mich Zobnin. In: *Podorozhnik. Kraevedcheskiy al'manakh* [Podorozhnik. Local history almanac]. V. K. Beloborodov (Ed.). Tyumen, Mandr i Ka, 2005, iss. 6, pp. 250–251.

Zobnin B. B. Vospominanie ob ottse [Memory about the father]. In: *Podorozhnik. Kraevedcheskiy al'manakh* [Podorozhnik. Local history almanac]. V. K. Beloborodov (Ed.). Tyumen, Mandr i Ka, 2005, iss. 6, pp. 237–249.

List of sources

Bezsonov P. *Kaliki perekhozhie. Sbornik stikhov i issledovanie P. Bessonova* ["Vagrant cripples". Collection of spiritual verses and research by P. Bezsonov]. Moscow, Tip. A. Semena, 1861, pt. 1, iss. 1–3, VI + 824 p.

Gil'ferding A. F. *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda* [Bylina epics of the Onega Region recorded by Alexander Fedorovich Hilferding in the summer of 1871]. St. Petersburg, Tip. Imp. Akademii nauk, 1873, LVI + 1335 cols.

Kireevskiy P. V. *Russkie narodnye pesni, sobrannye Petrom Kireevskim. Ch. 1. Russkie narodnye stikhi* [Russian folk songs collected by Pyotr Kireevsky. Pt. 1. Russian folk verses]. In: *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete* [Readings at the Society of History and Antiquities of Russia at Moscow University]. Moscow, 1848, no. 9, sec. 4, pp. 145–226.

Maykov L. N. *Velikorusskie zaklinaniya. Sbornik L. N. Maykova* [Great Russian spells. Collection of L. N. Maykov]. St. Petersburg, Izd. Evropeyskogo Doma, 1994, 216 p.

Pypin A. N. *Lozhnye i otrechennye knigi russkoy stariny, sobrannye A. N. Pypinym* [False and disavowed books from Russian Olden Times, coll. by A. N. Pypin]. St. Petersburg, Tip. P. A. Kulisha, 1862, 182 p.

Russkaya epicheskaya poeziya Sibiri i Dal'nego Vostoka [Russian epic poetry of Siberia and the Far East]. Yu. I. Smirnov, T. S. Shentalinskaya (Comp., eds.). Novosibirsk, Nauka, 1991, 499 p.

Tikhonravov N. S. *Pamyatniki otrechennoy russkoy literatury. Sobrany i izdany N. Tikhonravovym* [Apocryphal Russian literature's monuments. Collected and published by N. Tikhonravov]. Moscow, Universitetskaya tip. (Katkov i Ko), 1863, vol. 2, 457 p.

Yakushkin P. I. *Narodnye russkie pesni iz sobraniya P. Yakushkina* [Folk Russian songs from the collection of P. Yakushkin]. St. Petersburg, Tip. A. A. Kraevskogo, 1865, 288 p.

Yakushkin P. I. *Sochineniya P. I. Yakushkina* [P. I. Yakushkin's oeuvre. Edition by V. Mikhnevich]. St. Petersburg, 1884, CVI + 709 p.